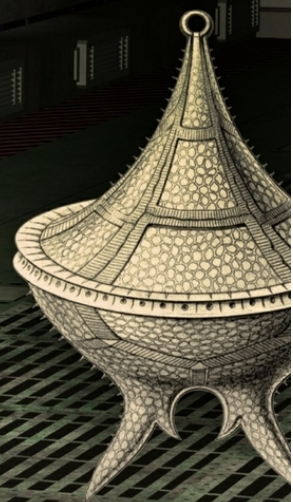
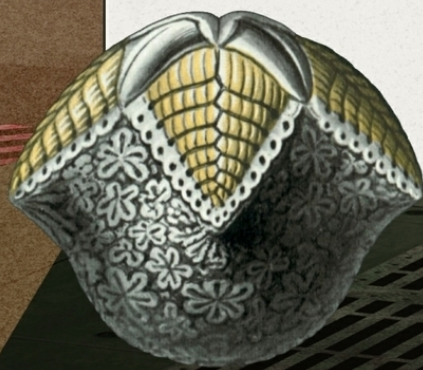

НИКОЛАЙ Н. ПЛЕТНЁВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

АКТИВ
МОЗГОВАЯ
НОСТЬ

12+

Николай Плетнёв
Мозговая активность

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Плетнёв Н. Н.

Мозговая активность / Н. Н. Плетнёв — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Изо дня в день мы видим и делаем то, к чему привыкли, а с экранов нам рассказывают, что происходит в большом мире - и мы безоговорочно верим, пока не появляется кто-то, кто знакомит нас с действительностью, но можно ли и ему доверять, ведь каждый преследует свои цели? Может оказаться, что правда жизни в том, что мы всего лишь мозги в банках, подключённые к сети.
Автор обложки - Laila Marhiv

© Плетнёв Н. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

1

Моё первое детское воспоминание – это куратор Джозеф. Его строгие глаза, глядя из-под серых бровей, всё-таки лучились каким-то теплом. И если я и осмеливался поднять взгляд во время нашего общения, то чувствовал, что даже когда куратор Джозеф отчитывает меня ледяным и гневным тоном, он делает это ради моего же блага, чтобы я вырос умным, развитым и полноценным человеком. Но началось всё ещё тогда, когда я спал в кровати с высокими бортиками, за которые было так удобно держаться, когда стоишь. Я не помню, приходил ли ко мне тогда человек, или это была нянька, помню лишь, что мне очень не понравилось что-то, что со мной делали. Возможно, меня просто искупали, но я ревел во всю глотку, а чувство обиды на весь белый свет вспоминается мне даже теперь.

Но потом на экране возникло лицо. Седовласый мужчина что-то начал говорить мне удивительным и мягким голосом, от которого я мигом забыл все расстройство. Я заслушался его речью, смотрел, как его рот двигается в окружении непонятных, но таких интересных серых волосков, что, разумеется, было его бородой, которую так хотелось потрогать. Я протянул ручку поверх перил кровати, но дотянуться было невозможно. Зато мужчина улыбнулся мне, а я улыбнулся в ответ.

Нянька была рядом всё моё детство. Сначала я её боялся подсознательно – что-то на колёсиках, светло-серого цвета, мигает лампочкам, шевелит манипуляторами и произносит вроде бы ласковые слова, но тоном, лишённым эмоций и интонаций.

Потом я привык, но всё-таки опасался, так как не понимал, будет ли мне хорошо от появления няньки, или плохо. Чаще всего, конечно, бывало хорошо, так как она приносила мне еду, игрушки, одежду, а затем и книги. Но иногда ни с того ни с сего у меня начинало сосать под ложечкой, появлялось неприятное предчувствие, дверь вдруг открывалась в неурочное время, въезжала автонянька, выговаривала неживым голосом ласковые слова, чаще всего называя меня непонятным словом “касатик”, которое у неё выходило произносить немного другим голосом, в то время, как вся остальная речь не отличалась разнообразием. Она говорила что-то вроде “Доброе утро, *касатик*, будь умницей, дай тёте сделать обследование”, после чего начинала ловить меня по комнате, ведь дураков добровольно подвергаться экзекуциям не было. Но деться мне было некуда, ведь дверь очень плотно и хитро раскладывалась вслед за вошедшей нянькой, так что я не успевал даже просунуть руку в проём. Так я и бегал, пока няньке не удавалось загнать меня в угол, расставив манипуляторы и приговаривая, чтобы я не вертелся и не отнимал её время, ведь я у неё не один такой.

Затем нянька хватала мои руки и ноги специальными мягкими манипуляторами, которые удерживали меня в практически неподвижном состоянии, отдельными выступлениями фиксировала мою голову, что приводило меня в отчаяние. Но, к счастью, всё очень быстро кончалось – уколов меня то тут, то там, проведя по животу, груди и шее прохладной штукавиной, которую я боялся больше всего, хотя, кроме холода, никакого дискомфорта она мне не доставляла, нянька отпускала меня, проговаривая успокоительные фразы, которые я заглушал рёвом.

Помню, как-то раз я даже накинулся на няньку с кулаками после такой процедуры, когда она принесла мне обед, но стенки её корпуса пружинили под моими слабыми ударами, не прерывая её привычных действий, что взбесило меня настолько, что в знак протеста я опрокинул тарелку с едой со стола. Правда, я тут же испугался, что нянька накажет меня, схватив манипуляторами, поэтому я взобрался на кровать и со страхом смотрел на неё. А с ней творились странные вещи. Она то начинала собирать кусочки рагу в манипулятор с совком, появившимся из её недр, то вдруг вываливала всё на пол и поднимала тарелку, которую, впрочем, тоже тотчас роняла и растерянно начинала движение в сторону двери. В другой ситуации меня бы рас-

смешила эта ситуация, так нелепо она вертелась на месте, но в тот миг я не понимал, что происходит и думал лишь о том, чтобы она не повернулась в мою сторону.

Неожиданно включился экран и на нём появилось лицо куратора Джозефа. Этого хватило, чтобы нянька замерла на месте, свесив манипуляторы, а через несколько секунд пришла в себя, собрала рагу и тарелку, тщательно затерев пятна манипулятором-шваброй, а затем, не говоря ни слова, выехала из моей комнаты.

А куратор Джозеф тем временем обратился ко мне:

– Так-так, юный джентельмен, похоже, решил сегодня остаться без обеда? – прозвучал негромкий, но чарующий голос.

Я сразу же нашёл в кураторе союзника и стал взхлёб перечислять все обиды, но он остановил меня, закрыв глаза и кивнув:

– Да, юноша. Ты не понимаешь, что с тобой происходит, но я объясню, и ты не будешь злиться на нашу прекрасную автогувернантку... На твою няньку. Ведь она заботится о тебе, а эти неприятные процедуры нужны лишь для того, чтобы ты не заболел, а не то как же ты сможешь выйти в Игровую комнату?

Думаю, я тогда не понимал и половины из сказанного, реагируя в основном на интонации, но уж Игровая комната – это было понятно. Это то, чего я так долго ждал, то, что было обещано мне. Как только мне исполнится пять лет, как рассказывала ментор Лили, я смогу выходить в большую комнату и играть с другими детьми! Как же я тогда об этом мечтал! Те мультфильмы, что мне показывали, учили меня, что важнее дружбы нет ничего на свете, но я ещё не видел тогда никого, с кем можно было бы начать дружить, а мне этого так хотелось.

А голос куратора тем временем продолжал:

– А может быть, мальчика, который швыряет на пол тарелки с едой и колотит няню, нельзя пускать к другим детям? А если они испугаются?

– Нет! Нет! – горячо возразил я. – Я больше не буду швырять! Я буду кушать!

– То-то же, – голос куратора подобрел. – А ещё ты будешь слушаться няню и попросишь у неё прощения.

Я лишь покорно засопел, понимая свою неправоту.

Через минуту в мою комнату въехала нянька с новой тарелкой еды. Я подошёл к ней и, разглядывая пальцы ног, пробурчал “извините”, после чего мигом убежал на кровать, отвернувшись лицом к стенке.

– Ха-ха-ха, – механически засмеялась нянька. – Ну, кушай, *касатик*. Подвёл ты меня под монастырь...

Я не понял о чём она, но в дальнейшем спокойнее сносил её экзекуции, почти никогда не пытался убежать, и даже сам покорно подставлял руки для фиксации во время медицинских обследований.

2

Помню как я был рад в тот день, когда мне предстояло выйти в Игровую комнату. Я сгорал от предвкушения, ведь я ждал этого события так долго. Подумать только – я смогу увидеть других детей, смогу найти себе друзей, у нас будут весёлые приключения как в тех мультиках, что я смотрел несколько раз в день.

Нянька помогла мне разобраться со сложными пуговицами на новенькой рубашке, которую она мне принесла. Ловкими манипуляторами она застегнула их как полагается, свернула носовой платочек уголком и вставила его в нагрудный карман.

– Настоящий джен-тель-мен, – произнесла она непонятное слово. – Будь умницей, *касатик*, играй аккуратно.

Я помнил слова ментора Лили о том, что надо быть вежливым, здороваться, когда видишь других людей, говорить как тебя зовут и прочие непонятные, но нужные слова. Я был так воодушевлён, что тренировался и на няньке, говоря ей “здравствуйте” и “спасибо”, когда она приходила с едой или для уборки. Её это радовало, судя по её ласковым словам и по нечленораздельным звукам, очевидно, изображающими пение.

Я решил взять с собой своего игрушечного друга Пэрри – человечка с большой резиновой головой в смешной шапочке и рубашечке, которую я помогал ему снять каждый раз, когда укладывал его спать рядом с собой. Мне казалось, что Пэрри – очень интересный и забавный, наверняка он понравится другим детям и они захотят со мной дружить. Я думал взять ещё и грузовик, но няня сказала, что игрушек в Игровой комнате хватает – уж на то она и Игровая.

До сих пор вспоминаются те ощущения неизвестности – смесь страха, нетерпения и радости, когда я стоял перед дверью, которая впервые развернулась передо мной, отворяя проход в неизвестность. Няньке пришлось легонько подтолкнуть меня, чтобы я сделал первый шаг в коридор. Дверь в мою комнату свернулась, когда нянька покинула её и покатила по коридору, приглашая следовать за ней. Я посмотрел по сторонам, увидев, что в коридоре немало таких же дверей, правда, не задумывался тогда, что за ними скрывается. Думал лишь о том, что найти свою комнату я без помощи няньки не смогу. От этого стало ещё страшнее, так что я прижал Пэрри к себе и догнал уезжавшую от меня няньку.

Идти пришлось недолго, возле одной из дверей в конце коридора нянька остановилась, поправила манипулятором мне вихор на макушке и сказала:

– Ну, *касатик*, большой ты стал, пора и в Игровую. Не бойся, я буду рядом, позови меня, если захочешь обратно.

Дверь свернулась, и я увидел чудо. Яркий свет падал на деревья, траву, цветы и кусты. Мне хотелось рассмотреть их поближе, так что я шагнул вперёд, и мои ноги ступили на дорожку из мелких камешков – тоже новое ощущение. Я увидел, что комната очень большая, возможно, это ощущение возникло из-за ярко светящегося потолка. Помимо деревьев, в центре комнаты имелась игровая площадка с горками, лестницами, трубами и прочими интересными и яркими вещами. Шагая к игровой площадке, я услышал как дверь, через которую я вошёл, закрылась, но я не придавал этому значения. Меня поражало то, что я увидел, мне так хотелось прикоснуться ко всему. Может быть, поэтому я не сразу подумал о том, что в Игровой комнате я совершенно один. А ведь должны быть другие дети, мне ведь обещали это!

Я стал озираться по сторонам и вдруг увидел её – девочку с чёрными волосами и в синем платице. Она смотрела на меня, смущаясь, наверное, так же, как и я. А у меня из головы вылетело какие слова нужно говорить при встрече, и я стоял, разинув рот.

– Кто это, гном? – спросила она, показав пальчиком на мою руку, в которой болталась позабытая игрушка.

– Нет, это Пэрри. Он просто человек, только маленький. Вот, смотри, – я пошёл к ней, чтобы показать его поближе, но понял, что она смотрит на меня с экрана, висящего на стене.

– А у меня есть Дэйзи, – в руках у неё появилась кукла в розовом платье. – Она принцесса и моя дочка.

Мы помолчали, пока она приглаживала Дэйзи волосы и поправляла платье.

– Скоро придут остальные, – сказала она. Меня зовут Ирис, а тебя?

– Сэм.

Я заметил, что другие экраны, висящие на стенах, осветились и на них появились остальные ребята. Мы познакомились с мальчиками Аланом, Лесли, Бернардом, Сильвестром, с девочками Жасмин и Виолеттой, а также с близнецами Брюсом и Вуди. Конечно же, я не сразу запомнил их имена, но мы стали общаться, они стали показывать мне свои игрушки, а я знакомил их с Пэрри. Помимо игровой площадки, в комнате оказалась большая коробка с игрушками. На её разбор и обсуждение игрушек с другими детьми у меня ушло так много времени, что ребята один за одним стали прощаться и уходить. Последней уходила Ирис. Она сказала мне:

– Надеюсь, что время пролетит быстро и мы скоро снова увидимся, Сэм.

Экран погас. Я стоял в нерешительности, думая, не осмотреть ли мне игрушки ещё раз, хотя было как-то странно, что я снова здесь один. Мне захотелось вернуться в мою комнату, где всё было так близко и знакомо, и я зашагал по дорожке из мелких камешков к выходу.

Когда я дошёл до двери, она свернулась, и я увидел няньку, которая ждала меня. Мне показалось, что она была тут всё время. Я уже было шагнул к ней навстречу, как вдруг понял, что мне чего-то не хватает. Я забыл Пэрри! Развернувшись, я побежал обратно, и, подбегая, заметил его, сидящего на горке, где я его и оставил.

Схватив Пэрри в охапку, я побежал к выходу. А оказавшись в своей комнате, дождавшись, когда нянька уйдёт, сказал ему:

– Прости, Пэрри, я чуть не забыл тебя там. Как бы ты там спал, ведь там нет кровати?

И когда свет погас, а я уже засыпал в обнимку со своей любимой игрушкой, мне показалось, что Пэрри ответил мне тихим-тихим шёпотом:

– Я твой друг, Сэм. Не верь этим деревьям и цветам. Они ненастоящие. А я всегда буду рядом. Только не говори никому. Никому...

3

Шли годы, я становился старше. Мне уже исполнилось двенадцать лет, в честь чего в Игровой комнате горки и трубы были заменены на спортивный городок, а игрушки – на тренажёры и гантели. Сначала мне было интересно их опробовать, потом мои друзья обзавелись такими же тренажёрами, показывали мне как правильно их использовать и подзадоривали меня, выясняя смогу ли я сделать больше упражнений, чем они. И чаще всего я их обходил, чем вызывал восторг у наблюдавших девчёнок.

В какой-то момент я заметил, что девочки как-то похорошели. Раньше я не делал различий в общении между ними и мальчишками, у нас была тёплая компания, полная юмора и веселья, но потом я понял, что девочки совсем не похожи на мальчиков, и дело тут не в половых признаках, о которых мне рассказывала ментор Лили во время учёбы. Мы все немного выросли и изменились, но девочки даже реагировали немного не так на шутки или рассказы, могли обидеться без видимой причины или смеяться непонятно над чем. В общем, мне бывало неловко оставаться один-на-один с кем-нибудь из девочек, если одна из них подключалась раньше остальных или отключалась позже. Но было одно исключение. Это Ирис.

Каждый раз, направляясь в Игровую, я мечтал, чтобы первой подключилась Ирис, и чаще всего так и происходило. С ней было приятно общаться, кроме того, мне казалось, что она симпатичнее остальных и лучше других меня понимает. Во время наших соревнований с мальчишками она неизменно кричала моё имя, тогда как остальные девочки поддерживали то одного, то другого, хотя они всё равно радовались и поздравляли победителя, кем бы он ни оказался.

Ирис была не такая, как остальные. Было непохоже, что она очень много общается с другими ребятами, она реже всего принимала участие в шумных обсуждениях и, когда все вокруг покатывались со смеху от очередных выдумок близнецов Брюса и Вуди, она лишь мило улыбалась. Её скромность казалась мне большим преимуществом, мне нравилось, что она не перекрикивает других ребят, стараясь что-то сказать, а говорит только когда её спросят. Наверное, я и сам отчасти вёл себя так же.

Однажды я решил, что было бы неплохо пригласить Ирис ко мне в гости, чтобы пообщаться с ней наедине подольше, чем те несколько секунд, пока не появятся остальные. Я вынашивал эту идею несколько дней и был полон решимости её реализовать в следующий же раз, когда пойду в Игровую. Я даже спросил у куратора Джозефа, который навещал меня время от времени, возможно ли это, на что он с отеческой улыбкой ответил:

– Конечно, Сэм. Если ты её попросишь прийти и она согласится.

Я был в предвкушении. Я представлял как Ирис войдёт в мою комнату, как мы будем общаться, думал о том, что я буду говорить, где я сяду, где предложу сесть ей. Перед походом в Игровую, я вычистил все тёмные углы моей комнаты, до которых не всегда добиралась нянька, я заправлял кровать добрых полчаса, разглаживая рукой каждую морщинку и ровняя подушку. Книжки и тетрадки я сложил аккуратной стопочкой, а Пэрри – единственную из игрушек, оставшуюся со мной с раннего детства, я спрятал под кровать. Я не очень-то хотел, чтобы Ирис сочла меня малышом, и ни в коем случае она не должна была узнать, что я всё ещё сплю со смешным человечком в обнимку.

В Игровой комнате я то и дело пытался заговорить с Ирис, но у меня не хватало смелости при всех пригласить её в гости, ведь тогда другие могли бы решить, что я влюбился, а этого, как мне казалось, нельзя было допустить ни в коем случае. Мои мысли были заняты решением этой проблемы, так что я проиграл соревнование по количеству подтягиваний Алану, хотя расстроило это, судя по всему, одну лишь Ирис. И вот, когда пришла пора прощаться, я подошёл к экрану, на котором была Ирис, и сказал:

– Ирис, сможешь остаться на пару минут? Мне нужно кое-что тебе сказать.

Девчѐнки так и прыснули, явно раздувая из мухи слона, заявив, что они тут, похоже, лишние, удалились, а парни, одобрительно хмыкая, сделали тоже самое, нарочито громко попросившись со мной.

– Да, Сэм, что ты хотел мне сказать? – Ирис смотрела в пол, теребя руками пуговицу на платье.

– Эээ... Ирис, не обращай внимание на этих дураков... Я не то, что они подумали, просто... – собраться с мыслями для меня было целой проблемой, я умолк, не закончив фразы.

– Нам пора идти, Сэм, – она посмотрела на меня взглядом, в котором читался вопрос и надежда.

– Подожди, Ирис! Я хотел пригласить тебя в гости. Придѐшь? – я выпалил это на одном дыхании и устался на свою обувь, ожидая приговора.

– Конечно приду, Сэм, – с облегчением сказала она, – Давно хотела пообщаться без посторонних ушей.

Меня обуял восторг, я едва сдержался, чтобы не подпрыгнуть, но внезапно я вспомнил, что продумывая все мелочи, я не подумал о том, как проводить Ирис в свою комнату, ведь раньше мне было сложно найти нужную дверь среди десятков похожих. Да и где сама Ирис я тоже не знал.

– А как ты найдѐшь меня? Я живу справа по коридору от Игровой, через... – я лихорадочно пытался прикинуть сколько дверей отделяют мою комнату от Игровой. Десять? А может, двадцать? Я никогда их не считал.

– Меня проводят, жди меня у себя, я скоро приду.

Когда я возвращался в комнату, мне казалось, что коридор бесконечный и двери слева и справа никогда не кончатся. Я даже ненадолго перешѐл на бег, обуреваемый нетерпением. Добежав до открытой двери, которая вела в мою комнату, я обнаружил её пустой, но когда я зашѐл, и дверь за мной развернулась, я не отчаялся, а стал ждать, ведь Ирис пообещала мне, что придѐт.

Минуты тянулись бесконечно долго, я бросался то ровнять несуществующие складки на покрывале кровати, то прислушиваться к двери, то к раковине – прилизывать непослушный вихор. В итоге, голова стала совсем мокрой, а затем и высохла, но ничего не происходило.

Когда я уже взялся за книжку, чувствуя себя подавленным и обманутым, на стене вдруг вспыхнул экран, и на нём появилась Ирис.

Сперва я опешил, так как ожидал немного другого, но это быстро сменилось радостью от того, что я вижу её, от того, что она всё-таки появилась здесь.

– Привет, Сэм! Вот и я!

– Привет, Ирис. Ты не нашла мою комнату? Поэтому ты на экране?

– Нет, Сэм, – она вздохнула, – Мне разрешили общаться с тобой только так. Прости, но я не смогу прийти сама. Но я очень рада взглянуть на твою комнату, она такая аккуратная! Ты молодец, Сэм!

Румянец разлился по моим щекам, я начал показывать ей книжки и некоторые рисунки из тетрадок. Было не очень удобно подносить рисунки к экрану так, чтобы она увидела, но это было лучше, чем ничего, и я был рад гостѐ.

Однако, спустя совсем короткое, как мне показалось, время, она сказала, что нам уже пора прощаться. Я не слышал, чтобы кто-то говорил ей что-то, но она, как и всегда в Игровой, сказала о том, что время вышло и ей нужно идти.

– До встречи в Игровой, Сэм! – сказала она, и экран погас.

Я сел на кровать, сдвинув грудку книжек и тетрадок, которые успел или не успел показать ей. Обдумывая все впечатления прошедшего дня, я ощутил потребность обнять Пэрри и рассказать ему на ухо мои впечатления от визита Ирис. Я полез под кровать, но не нащупал ни резиновой головы, ни пластмассовых ботиночек Пэрри. Я стал шарить активнее, думая, куда

же это я его забросил, но Пэрри нигде не было. Под кроватью было темно, я не мог ничего разглядеть, тогда я, поднапрягшись, отодвинул кровать от стены. Всё что я увидел – это маленькая синяя шапочка, которую Пэрри носил на голове. Я обшарил всё пространство под кроватью, но самого Пэрри там не было.

“Наверное, нянька убиралась в моей комнате и положила Пэрри куда-то”, – подумал я и стал обшаривать комнату вдоль и поперёк. Но Пэрри по прежнему не находился. Дошло до того, что я вывернул одежду из шкафов, все игрушки и конструкторы, обшарил все места, где Пэрри только мог поместиться, но он исчез.

Я заплакал, не зная что и думать – то ли нянька прихватила его и выбросила, как те игрушки, что я сломал, то ли он сам ушёл через открытую дверь. Я не исключал такого варианта, несмотря на полную уверенность в том, что Пэрри – это кукла, а куклы не могут сами ходить. Но штука в том, что говорить куклы тоже не могут, однако, Пэрри говорил. Часто, когда мы с ним засыпали или я просыпался среди ночи, я слышал как он шепчет мне что-нибудь. Иногда это было так тихо, что я не мог разобрать ни слова, а иногда я вполне мог слышать, что он говорит. Обычно он уверял меня в том, что мы друзья, что он один настоящий человек и друг, что однажды он поможет мне. Он рассказывал мне странные истории про каких-то людей, которые были учёными, но сошли с ума, закрывшись от всего мира, однако, я не всегда мог отличить рассказы от снов, так как часто засыпал посреди его истории.

Я часто рассказывал ему новости, делился мыслями и затеями, но он очень редко слышал меня, даже если я пытался громко позвать его. Видимо, какая-то магия, или, как говорил он, *тех-но-ло-гия* позволяла ему лишь на время становиться живым и говорить со мной. При этом каждый раз он напоминал мне, что я должен говорить с ним очень тихо и никому-никому не рассказывать про то, что он умеет говорить, ведь тогда он утратит возможность общаться со мной, и будет просто куклой с резиновой головой в тряпичной шапочке.

– Ах, *касатик*, что ты натворил? – раздался механический голос няньки, которая привезла мне ужин и увидела бардак, который я устроил.

Шмыгая носом, я спросил:

– Няня, это ты унесла Пэрри? Мне он нужен, верни мне его назад!

– Пэ-р-ри? Ту куклу в шапочке? Нет, до-ро-гой, я не брала его. К тому же, уборка будет только завтра, тогда я и выброшу то, что ты положишь в мусорную корзину. Всё как всегда, *касатик*.

Я поверил няньке. Из ужина осилил только компот, как она меня ни уговаривала, ей пришлось увезти всё обратно.

Лёжа в темноте, я не мог уснуть без привычного присутствия Пэрри. Я вспомнил про визит Ирис, но опять пожалел, что не с кем поделиться впечатлениями, и снова заплакал.

– Что же ты плачешь, Сэм? Что случилось?

Это был Пэрри! Его тихий вкрадчивый голос было сложно не узнать.

Я вскочил с кровати и включил свет, но комната была пустой. На кровати Пэрри тоже не было. Я заглянул под кровать, взывая:

– Пэрри, где ты?

– Тсссс, не шуми! Выключи свет! Ляг в постель!

Я выполнил его поручение и стал шептать в пустоту:

– Я думал, ты ушёл, боялся, что потерял тебя. Где ты, Пэрри?

– Я здесь, малыш. Я всегда буду здесь, ведь я твой настоящий друг. А вот то, что куклу забрали – плохой знак. Мы должны быть осторожнее, понимаешь?

Я шмыгнул и кивнул. Хотя не очень понимал, почему это плохой знак и почему надо быть осторожнее, однако, обретя друга снова, я не посмел возражать.

Пэрри продолжил:

– Кукла ничего не значит, я по-прежнему буду рядом, но ты должен обещать мне, что никому не расскажешь обо мне. Ни куратору, ни менторам, ни ребятам, ни даже твоей подружке Ирис. Обещаешь?

– Обещаю, – уже не в первый раз произнёс я обещание. – Я так рад, что ты нашёлся, и ты знаешь, Ирис сегодня приходила ко мне...

– Ох, Сэмми, это старый фокус, ты разве не заметил, что она не приходила к тебе, а появилась на экране? Все твои лесные друзья – лишь способ побудить тебя развиваться. Знаешь, как заставить поросёнка есть больше? Нужно поставить перед его кормушкой зеркало. Поросёнок будет думать, что напротив него другой поросёнок, который пытается съесть его еду, поэтому будет есть быстрее и больше, набирая сало, приближая момент убоя. Хе-хе, наверное, менторы не рассказывали тебе из чего сделаны котлетки, которые ты лопаешь? Но ты можешь не переживать, поросята не пострадали, они перешли на сою, которую легче выращивать в автоматическом режиме и с помощью роботов и киберов наподобие твоей няньки...

Я перестал улавливать нить разговора, после всех переживаний меня клонило в сон.

– Спокойной ночи, Пэрри. Ты мой лучший друг, – прошептал я, засыпая под его болтовню про каких-то киберов, мозги вместо процессоров и прочие глупости. Такой вот он фантазёр – этот Пэрри.

4

Так я и жил, взрослея и развиваясь. Ментор Лили обучала меня, задавая сложные математические задачки и демонстрируя различные опыты. Она знакомила меня с химией, а также другими науками, в то время как куратор Джозеф занимался со мной иностранными языками, литературой и поэзией, что я очень любил, а ещё историей и географией. В какой-то момент у меня начинали появляться вопросы по поводу того, что моя жизнь слишком отличается от жизни героев книг и фильмов. Я читал такие книги, как “Остров сокровищ” и “Пятнадцатилетний капитан”, но с трудом мог представить себе море. Я понимал, что оно состоит из воды – такой же, как та, что течёт из-под крана, но чтобы этой воды было много... Откуда могло взяться столько пространства, чтобы по воде плыл целый дом – корабль с сотней матросов? Это не укладывалось в моей голове. Или “Всадник без головы” – я представлял себя, скачущим по Игровой комнате на лошади (я знал как она выглядит по картинкам, но представлял её значительно меньших размеров). Скакать особо было некуда – там стена и тут стена, наверняка то, что называлось прериями имело гораздо больший объём. Интереснее было скакать по коридору, но я не так часто мог там находиться. Однажды я бегал по коридору так долго, что везде погас свет, и только моя комната светилась вдалеке. Мне стало страшно, и я забежал в комнату как можно скорее. Темнота всегда нагоняла на меня жуть.

Когда начались уроки географии, я узнал, конечно, и про океаны, и про прерии, и про горы. Куратор Джозеф снабжал рассказы иллюстрациями и видеороликами, но когда я спросил о том, почему нельзя увидеть всё это не на экране, урок географии плавно перетёк в урок истории. Я узнал, что раньше люди действительно жили под открытым небом, купаясь в морях и гуляя по лесам и полям, но со временем человечество обрекло себя на гибель своим беспечным поведением. Люди загрязняли планету, превращая озёра в грязевые пятна, вырубая леса, отравляя реки, выбрасывая вредные газы в атмосферу, пока природа не взбунтовалась и не изобрела страшный вирус, от которого погибло почти всё человечество. Вирус распространялся со страшной скоростью, учитывая то, что мир был открыт для путешествий, а заражённый человек никак не проявлял болезнь в течение двух недель, но при этом даже находиться рядом с ним было смертельно опасно. Лишь некоторые отдалённые районы и острова были в безопасности, но и они слишком зависели от ресурсов, поставляемых с густонаселённых территорий, так что, мало кто из человечества остался в живых под небом планеты Земля. Однако, были люди, которые предполагали подобный вариант развития событий и были готовы к нему. Различные учёные, объединившись, построили изолированные помещения ещё до того, как такой вирус появился и охватил всю планету, они продумали систему репродукции, они сконструировали киберов, которые выходили наружу, добывая ресурсы без риска заразить себя и всех остальных. Именно поэтому на всякий случай приходится сейчас изолированно общаться с помощью экранов и лишиться себя удовольствия дышать свежим воздухом и чувствовать на коже солнечное тепло. Но это послужит великой цели – возрождению человеческой расы после очищения планеты от вируса, который сгинет сам собой, как только погибнет и превратится в прах последний носитель.

Я был поражён и подавлен. Куратор Джозеф освободил меня от занятий в тот день. Мне не хотелось ни читать, ни смотреть мои любимые фильмы про китайских мастеров кунг-фу, так что я оставил экран выключенным и сидел на кровати, поджав колени к подбородку. Я обдумывал, пытался осмыслить, как это возможно – уметь строить летающие корабли и огромные здания-небоскрёбы, но вымереть от вируса, который намного меньше бактерии, меньше настолько, что незаметен на фоне малюсенькой кровяной клетки, как мне показывала на экране ментор Лили во время урока биологии. Это было сложно осознать. Я ощутил потребность с кем-нибудь поговорить об этом, но как назло, именно в этот день, да и вообще в послед-

нее время Пэрри не появлялся. С ним это случалось иногда. Он уходил, порой надолго, но потом возвращался, объясняя отсутствие тем, что кто-то его блокирует, но я не должен беспокоиться, ведь он никогда меня не бросит. Его рассказы были всё более туманны и всё больше походили на вымысел – какие-то жалобы на то, как плохо жить без тела (наверное, он имел в виду ту куклу с резиновой головой), пожизненное рабство, заточение, жуткие эксперименты... Поэтому я не очень-то воспринимал его всерьёз. Однако, скучал, если его долго не было. Ему всегда можно было рассказать то, что у меня на душе. Да и я так привык засыпать под его тихий вкрадчивый голос.

Со временем я примирился с этой постыдной правдой о жизни, которую открыл мне куратор. Однако, мне нравилась цель – возродить человечество, но в новом качестве: человечество, которое думает о своём будущем и не подвергает планету разорению. Поэтому я старался усердно учиться, донимал куратора Джозефа вопросами. Я представлял как однажды, применив собственную прививку от вируса, которую до сих пор не изобрели, выхожу наружу, под открытое небо и яркое солнце рука об руку с Ирис, чтобы спасти оставшихся людей, прячущихся в бункерах по всей планете.

Кстати, об Ирис. Похоже, мы стали парой. Мы часто бывали друг у друга в гостях, но, конечно же, только с помощью экранов. Мы шутили и смеялись, рассказывали друг другу много интересного, почерпнутого из книг и занятий, делились впечатлениями. Ну и не только это.

Ирис говорила мне, что однажды мы сможем обнять друг друга, прикоснуться, поцеловаться, когда придёт время инициации. Она говорила нежные слова и даже танцевала для меня. А я испытывал незнакомое мне прежде половое влечение. Конечно, я получил теоретические знания о том, как это бывает, знал, что это действие гормонов на наш мозг, выработанных с определённой целью, но то, что я испытывал – было за гранью раздела учебника анатомии.

После наших с Ирис свиданий, очень часто и весьма кстати в комнату въезжал аппарат для взятия анализов, заменивший на этом поприще няньку. Он был снабжён различными манипуляторами и полостями, обследующих состояние моего организма. Например, в одну выемку нужно было вложить руку, чтобы аппарат, надувая и сдувая манжету, измерил моё давление. Заодно проверялась температура и иногда бралась на анализ кровь. Но было там одно отверстие, о назначении которого я догадался не сразу. А когда догадался и попробовал им воспользоваться, сработала автоматика, которая сначала напугала меня, но потом я вошёл во вкус и уже ждал с нетерпением когда же снова приедет этот аппарат.

Я не очень распространялся о физиологических аспектах с моими собеседниками, мне это казалось неприличной темой для обсуждения. Гораздо приятнее бывало обсудить фильмы, которые я просматривал, мультфильмы, книги, музыку – всё, что составляло досуг.

Когда я полюбил китайские фильмы, где дурашливые и добродушные монахи, применяя своё мастерство, давали бой вооружённым до зубов многочисленным врагам, я начал скакать по комнате, буквально запрыгивая на стены, пытаюсь повторить прыжки и удары ловких китайцев. Видя это, мне позволили проводить больше времени в Игровой комнате, где было больше возможностей для физической активности. Мои друзья и Ирис приходили туда не так часто, как приходил туда я, так что в основном я проводил время в одиночестве, тренируясь в каких-нибудь прыжках или подтягиваниях, чтобы потом удивить товарищей.

Я чувствовал, что со временем становлюсь сильнее и ловчее. Я ставил себе задачи, например, пройти на руках от одного тренажёра до другого и не останавливался, пока не научусь это делать с лёгкостью.

Куратор Джозеф часто говорил мне, что я должен быть готовым к инициации. Я должен буду сдать экзамены по всем наукам, что я изучал, а также показать физические возможности. Всё это очень напоминало мне подготовку покорителей космического пространства наших несчастных предков, которые на пике своего развития совершали открытия и добивались неви-

данных прежде достижений. Жаль, что им это не помогло. Однако, мне вряд ли предстояло лететь в космос. Я должен буду влиться в сеть, стать полноправным и полезным членом общества. Я смогу встретиться лично не только с куратором Джозефом и ментором Лили, но и со всеми моими друзьями и, конечно же, с Ирис. Но, разумеется, я встречу и множество других людей, среди которых буду жить и работать на благо человечества.

Сначала мне казалось, что до инициации, которая случится, как только мне исполнится двадцать лет, целая бездна времени. Я сокрушался, что ещё очень долго придётся оставаться мальцом в своей комнате на этапе подготовки к полноценной жизни, но время шло, каждый мой День рождения, когда ко мне приходили, а точнее, присутствовали на экранах все мои друзья, а нянька привозила торт, приближал меня к этому важному событию.

Я продолжал наращивать усилия, добивался новых целей, которые мне помогали ставить куратор, ментор и даже мои друзья. Большая часть моего времени была отдана подготовке к экзаменам, существенную часть которой составляли тренировки в Игровой. Год за годом я оттачивал навыки и получал всё больше знаний. За несколько месяцев до окончания моих занятий, я даже стал переживать, что не успею полностью подготовиться к тестам, но в ночь перед двадцатым Днём рождения, я чувствовал, что к инициации я полностью готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.